

Глава 61. Завтра научу тебя

Чудовище?

Цзян Тан вспомнил, что вчера в рыбацкой харчевне, где они ели большую рыбу, кто-то из посетителей за соседним столом тоже упоминал это слово. Говорили, что девушку, сбежавшую с разносчиком, по дороге похитило чудовище. Когда самого разносчика нашли, разум у него уже был мутный: он только повторял «не убивайте меня» и «её утащило чудовище», а потом залез под одеяло и отказался выходить.

Тогда рассказ о чудовище был всего лишь пересказом чужих слов, да ещё и из уст полубезумного разносчика. Вполне возможно, что именно он сам потерял девушку, а чтобы не оказаться в тюрьме, нарочно прикинулся безумцем и нёс всякую околесицу. Принимать это за чистую монету было нельзя.

Но дочь господина Ху они сегодня видели своими глазами.

Прямо посреди оживлённой улицы, всего лишь за прозрачной завесой из бусин.

Живой человек. Более того, любимая дочь, которую господин Ху берёт как зеницу ока. И вот такого человека похищают прямо у него под носом. По сравнению с чудовищем из рассказа разносчика слова господина Ху звучали куда правдоподобнее.

Полубессмертным сейчас прикидывался Е Чжэнвэнь, и господин Ху со слезами умолял именно его.

А сам Е Чжэнвэнь в это время сидел с несчастным лицом, собрав всю их шестерку у себя в комнате и полностью игнорируя вой господина Ху снизу.

— Я с самого начала чувствую, что с Циньнанем что-то не так! — вздохнул он. — Я не то чтобы не верю господину Ху. Наоборот, я ему слишком уж верю! Подумайте сами: разве с тем водяным мстительным духом на озере Тяньюань всё было в порядке? Откуда у обычного смертного такие ядовитые руны, которыми выращивают свирепых призраков? Я даже с теми рунами не разобрался, а тут уже новое дело... Всё потому, что я плохо учился. Боюсь, я ещё не успею поймать чудовище, а оно первым схватит меня.

Сян Син, который всё это время молча исполнял строгий приказ хозяина и охранял Цзян Тана, редко вмешивался в разговоры. Но сейчас всё же произнёс:

— Не схватит.

И очень уверенно ткнул пальцем в себя:

— Сян Син здесь.

Е Чжэнвэнь:

— Мне сейчас не до твоих шуток.

Хуай Чэнъинь:

— ...По-моему, он вовсе не шутил.

Е Чжэнвэнь:

— ...

Е Чжэнвэнь:

— Да не в этом суть! Я о другом говорю. Вам не кажется, что по дороге на юг с нами вообще происходит что-то странное?

Цзян Тан молча кивнул.

Е Чжэнвэнь:

— Вот видите? Даже господин Цзян это почувствовал!

Цзян Тан:

— ...

Нет, он просто с самого начала считал, что уже сам факт, что Фу Линцзюнь согласился поехать вместе с Хуай Чэнъином в префектуру Аньюань, выглядит странно. То, что тут есть проблемы, — как раз нормально. Вот если бы никаких проблем не было, это было бы действительно подозрительно.

Он молча вышел из общего разговора и отдельно отправил Фу Линцзюню весть. Сегодня после сна он тоже честно занимался культивацией, так что духовной силы у него сейчас хватило бы, чтобы донимать великого босса раз сто.

Цзян Тан попробовал как можно точнее воспроизвести руны, нарисованную сегодня на лепестках лотоса, а затем рассказал Фу Линцзюню о случившемся.

Из-за того, что он опять оказался слишком болтливым, пришлось разбить рассказ на пять сообщений. Цзян Тан уже успел опытным путём выяснить, что одна духовная весть вмещает максимум около сотни иероглифов. Если написать слишком много, сообщение начнёт рассеиваться раньше, чем его успеют дочитать.

Когда он закончил и снова вернулся к обсуждению, скучный спор уже как раз подошёл к концу.

Пусть Е Чжэнвэнь и считал, что история с чудовищем в Циньнэне подозрительна, бросить всё и закрыть глаза на то, что кого-то утащили, они не могли. Культиваторы не имели права вмешиваться в судьбы смертных, но если смертным вредила нечисть, тогда они обязаны были вмешаться.

Все надели шляпы с вуалью и спустились вниз.

Теперь господин Ху уже ничуть не напоминал того заносчивого человека, каким был ещё вчера. Лицо его было мокрым от слёз и соплей. Увидев спускающегося Е Чжэнвэня, он рванул вперёд и с глухим стуком рухнул перед ним на колени.

— Живой бессмертный, будьте великодушны! Вчера мы вас оскорбили, и мне даже умереть мало, чтобы искупить вину! Но я могу умереть, а моя дочь ещё молода, она... она... у-у-у-у... — едва речь заходила о любимой дочери, господин Ху снова начинал рыдать в голос.

У Е Чжэнвэня разболелась голова.

Он велел слуге принести стулья, немного успокоил господина Ху и начал расспрашивать его о том, как именно пропала девушка.

Господин Ху рыдал, всхлипывал и с трудом объяснял.

— Дочь исчезла прямо у меня на глазах. Та чёрная тень была вот такой длины... — он развёл руками, показывая примерно человеческий рост. — Очень тонкая, но мне показалось, что это всё-таки человек. У неё были руки, ноги, глаза...

— Она схватила тень моей дочери, и в следующий миг сама дочь исчезла.

Е Чжэнвэнь впервые принимал такого рода поручение, так что опыта у него было немного. Он долго ломал голову, а потом решил, что всё равно нужно начать с самого основного, и сказал:

— Мне нужны восемь знаков рождения вашей дочери, все места, где она недавно бывала, и, если возможно, какие-нибудь вещи, которые она обычно носила при себе.

Господин Ху тут же велел слугам принести вещи Ху Минцин, которыми она пользовалась, а сам быстро записал для Е Чжэнвэня её дату рождения.

— В последнее время дочь никуда особенно не ходила, всё время была при мне, и никаких бед не случалось... Если о недавнем, то разве что ездила в монастырь Учань за благовониями. А кроме того... только по здешним лавкам с одеждой и румянами.

Е Чжэнвэнь слушал его, а заодно бросил взгляд на бацзы Ху Минцин и невольно приподнял бровь:

— Чистое инь по всем восьми знакам?

Карта рождения по восьми знакам, бацзы, складывается из четырёх столпов — небесных стволов и земных ветвей, и те и другие имеют деление на инь и ян.

Вообще-то чисто янская и чисто иньская конфигурации встречались крайне редко. В одном городе таких людей, пожалуй, наберётся лишь горстка.

Услышав слова «чистое инь по восьми знакам», Цзян Тан невольно вспомнил учеников, о которых когда-то говорил Сун Янь, тех самых, что погибли на утёсе Жисы.

В горе-лабиринте он когда-то видел немало внешних учеников префектуры Цзэян в белых одеждах с золотым узором — тех самых, о которых говорил Сун Янь: чистое инь по восьми знакам, люди, которых Сун Юнчжэн растил и возвращал больше десяти лет, а потом партия за партией отправлял умирать на утёс Жисы.

Фу Линцзюнь, конечно, почти ничего ему не объяснял, но Цзян Тан догадывался: те ученики, погибшие на утёсе Жисы, наверняка превратились в такое чудовищное состояние именно из-за своей особой конституции. И большинство остальных уродов, скорее всего, были такими же.

Тогда выходит, что Фу Линцзюнь согласился поехать в префектуру Аньюань либо потому, что Лу Син сообщил ему какую-то весть, либо потому, что он сам заранее что-то заподозрил?

Но если он заранее понимал, что в Циньнэ назревает беда, почему тогда внезапно уехал на три дня?

Он оставил здесь Сян Сина явно затем, чтобы тот защищал их. Если он предполагал, что

случится что-то опасное, но всё равно должен был уехать, значит, причина была слишком заманчивой — возможно, даже более важной, чем тайна Цзян Чаньюаня.

Цзян Тан ещё долго гонял мысли по кругу, но так и не нашёл ответа. В конце концов молодые люди решили ещё раз сходить к семье той самой девушки по фамилии Цзинь, которая сбежала с разносчиком.

К этому времени уже стояла глубокая ночь.

Навещать семью Цзинь в такой час было, безусловно, очень невежливо, но речь шла о человеческих жизнях, и они не стали так уж об этом задумываться. Среди людей господина Ху нашёлся тот, кто знал дорогу до дома семьи Цзинь, и вскоре вся компания с фонарями в руках двинулась по ночному Циньнаню. Когда они добрались до места, проснувшиеся супруги Цзинь, узнав, что впереди идёт тот самый живой бессмертный, о котором сегодня судачил весь город, растрогались до слёз и тут же, по первому требованию Е Чжэнвэня, выложили и дату рождения дочери, и сведения о недавних выходах, и её личные вещи.

Как и ожидал Цзян Тан, у девушки из семьи Цзинь тоже оказались восемь знаков чистого инь.

А вот Е Чжэнвэнь почувствовал, как у него внутри всё неприятно сжалось.

В мире бессмертных, кроме честного пути дао и лекарского пути, существовали ещё и кривые, демонические дороги. Если бы только у госпожи Ху был чистый инь по восьми знакам, это ещё можно было бы назвать совпадением. Но когда обе пропавшие жертвы обладают одной и той же крайне редкой конфигурацией, это уже слишком подозрительно.

И что ещё страннее: со слов матери девушки Цзинь выходило, что, когда они с мужем отказались выдавать дочь за нищего разносчика, который вечно мотался по дорогам и не имел за душой ничего, девушка каждый день плакала. Некоторое время назад мать, видя, как её дочери всё хуже и хуже, взяла её с собой в монастырь Учань помолиться. А вскоре после возвращения девушка сбежала с разносчиком и бесследно исчезла.

— Обе — чистое инь по восьми знакам. И обе были в монастыре Учань... — Е Чжэнвэнь тут же решил, что, как только рассветёт, они все вместе отправятся в монастырь Учань искать разгадку исчезновения этих двух девушек.

— Но... — Хуай Чэнъинь почесал затылок. — Кажется, чудовище хватает только девушек. Нам-то идти туда какой толк?

Конечно, использовать Шэн Исюэ как приманку никто даже не подумал.

План был в другом: кто-то из них должен был переодеться девушкой, отправиться в монастырь Учань молиться о браке или гадать о судьбе, а в руки настоятелю подать фальшивые бацзы с чистым инь, чтобы затем затаиться и ждать.

— Давайте я, — сам вызвался Цзян Тан.

Среди них Сян Сина и упоминать не стоило — ростом он был почти как великан. Оставшиеся трое юношей тоже отличались стройной высокой фигурой и ростом чуть ли не в восемь чи. Какое уж там переодеться девушкой — они даже шагали так, будто ветер рассекали.

— Нет, — всё так же твёрдо отказал Е Чжэнвэнь. — У господина Цзяна слишком слабое совершенствование. Если что-то случится, это будет слишком опасно.

Он, конечно, понимал, что Е Чжэнвэнь просто беспокоится о его безопасности. Но, глядя на то, как остальные всё горячее и горячее обсуждают план, Цзян Тан вдруг остро почувствовал собственную бесполезность.

Он уже не был домашним зверьком-украшением при Фу Линцзюне.

Но при этом по-прежнему ни на что не годился.

Цзян Тан молча сидел у края стола. Сян Син заметил, что у него плохое настроение, и тихонько вытащил из-за пазухи травяную бабочку, сплетённую из травинок. Легонько покачал ею.

— Веселись, — сказал он.

Цзян Тан приуныл ещё сильнее.

Он уже стал человеком, а Сян Син всё равно пытался утешать его так, будто перед ним по-прежнему маленькая белая собачка. Конечно, Цзян Тан понимал, что это он сам слишком уж зациклился. Пока был бесполезным украшением, его всё устраивало. Но стоило стать человеком, и мыслей сразу сделалось всё больше и больше.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Бабочку он так и не взял, только подпёр щеку рукой и продолжил слушать, как остальные всё детальнее расписывают план.

Когда человек впадает в состояние самоуничужения, выбраться из него бывает очень непросто.

Цзян Тан тосковал ещё долго. Когда все детали наконец обсудили, ребята разошлись отдыхать по комнатам.

Он и сам ещё немного попытался культивировать.

Но, возможно, его душа и правда была плохо совместима с этим миром. Стоило посидеть в медитации совсем недолго, как он чувствовал сильную умственную усталость. А если пытался продолжать силой, в голове сразу начинала пульсировать боль.

Из-за этого ощущение, что он — маленький никчёмный слабак, только усиливалось.

С вечерним ветром в окно впорхнула красивая золотисто-алая духовная птица.

«Это руна, подстёгивающая обиду», — было коротко написано в первой весте.

Цзян Тан без особого настроения открыл её и проводил взглядом, пока птица медленно не рассеялась.

А следом прилетела вторая.

Золотисто-алая, тепло светящаяся.

«Ты очень точно её воспроизвёл».

Всего пять простых слов, но стоило Цзян Тану их увидеть, как вся недавняя тяжесть —

подавленность, бессилие, уныние, желание опустить руки — вдруг разом отступила. Словно он снова увидел перед собой цель, он поспешно отправил Фу Линцзюню новую весть:

«Когда вернёшься, научишь меня рунам и формациям, ладно?»

Отправив, он тревожно сцепил пальцы.

«Завтра научу», — ответил тот.

В сердце у Цзян Тана снова будто поселилась бутылка газировки, и пузырьки в ней радостно побежали вверх. Он сидел и глупо улыбался этой вести, пока она медленно таяла у него на пальцах, а потом только задним числом понял одну вещь.

«Ты завтра уже вернёшься?» — спросил он.

Ответ прилетел очень быстро.

«Никуда не бегай. Жди, пока я вернусь».

<http://bllate.org/book/17032/1644682>